

Случилось мне как-то бывать в одной деревне. Там я услышал от сельчан странное словосочетание — «безымянное кладбище». Меня это заинтриговало. «Безымянная могила», — это понятно. Но чтобы целое кладбище в наше время, да еще в такой глухомани, и вдруг числилось в безымянных — несколько непривычно. Захотелось самому его увидеть и узнать причину такого странного названия.

Достаточно было лишь на расстоянии взглянуть на кладбище, чтобы сообразить — здесь кроется какая-то необычная история. Необычность заключалась в том, что сельское кладбище полностью усеяно было новенькими деревянными крестами. Такое впечатление, что поселившиеся навечно договорились однажды и поспешили все вместе сойтись почти одновременно. Свыше тысячи крестов вытянулись рядами, как солдаты на плацу, и замерли.

Но стоило подойти вплотную, как становилось очевидным, что кладбище очень старое. То тут, то там возникали чуть заметные холмики. Правда, видна была заботливая человеческая рука — кто-то пытался придать могилкам надлежащий вид.

Вот история, которую мне рассказали доброжелательные сельчане. Однажды, пять лет назад, жители деревни были удивлены. Неожиданно на старом кладбище, где вот уже лет пятьдесят никого не хоронили, вдруг возникли два новеньких деревянных креста.

«Кто-то умер?» — спрашивали друг друга в недоумении. А местное начальство подолгу службы также жаждало знать, что тут у них под носом происходит.

Но потом страсти улеглись. Оказывается, кто-то из местных видел, как приезжий закапывал кресты. Более того, разговаривал с ним. И тот, кто заглянул в деревню, был ни кто иной, как бывший их односельчанин Василий.

— Не могу больше, браток, — жаловался приезжий, — душа болит, тянет на родину. Вот сколько думал приехать, поставить кресты на могилы родителям, да все недосуг. Все торопился куда-то. А если спросить: куда несешься по жизни, сломя голову, так нечего и ответить. Вот вопрос-то!

Погоревал мужик еще немного, а дальше заторопился на поезд и пропал на год. Потом объявился. Вкопал еще два креста, рядом с теми.

— А эти зачем? — спрашивали его.

— Сомневаться уж начал. А вдруг маленько спутал. Шутка ли, сколько лет про-

неслось. И получится: если проморгал — обидел своих родителей. Пусть еще два будет для верности.

— С такой математикой, земляк, ты все кладбище устелешь своими крестами,— закинул кто-то из деревенских.— Правда, темп у тебя слишком медленный. Через год по два креста — по всему видно, не успеть тебе.

Это он, конечно, зря сказал. Приезжий как-то странно посмотрел, ничего не ответил и опять заторопился на поезд. А через неделю появился уже с тремя крестами и стал их закапывать.

— Ну ты, академик, даешь! Опять маленько засомневался, что ли? — улыбаются сельчане.

— Теперь надумал поставить по кресту всем, кто здесь лежит.

— Ну, это ты зря стараешься, приятель,— машут руками сельчане,— начальство планирует старое кладбище сровнять бульдозером, а на его месте разбить парк.

— Знаем мы эти начальства,— спокойно ответил мужик.— Как только открыли новое кладбище, еще тогда, если помните, грозились на старое загнать бульдозер. Прошло где-то пятьдесят лет, а еще и не чесались. Теперь и подавно не снесут.

— Это почему же не снесут? — задетые за живое, что какой-то временщик раскомандовался.— Обязательно снесут.

— Нет,— упрямылся приезжий,— теперь не снесут.

— Да почему не снесут? — уже не на шутку закипает народ.

— Если будут стоять кресты на могилах, по закону не положено.

Собравшиеся не знали, как оно на самом деле, но на тормоза нажали, неуверенно согласились с таким поворотом, и уже миролюбиво:

— Ну ты и надумал, Василий. Это же сколько здесь работы, поди, одному и не управиться.

— А я не один,— отвечает Василий.— С Божьей помощью справлюсь.

— Оно-то, конечно, так,— соглашаются собравшиеся,— но и груз-то тяжелый свалил ты себе на плечи.

— Ничего,— утешал приезжий,— было б дело угодно Богу, помаленьку будем двигать.

Сельчане помотали головами, побрятели, да с тем и разошлись.

А Василий развил бурную деятельность. Проходила неделя — и на кладбище появлялись еще три новых креста. Летели месяц за месяцем, и деревенские окончательно расположились к мужику и уже, завидя его за работой, непременно приветствовали фразой: «Бог в помощь!» Это так вошло в обыденность среди деревенских, что однажды проходила мимо какая-то малявка и та пропищала: «Бог в помощь!»

Приезжий регулярно по субботам продолжал навещать деревню, делая свое дело. А через год опять удивил односельчан, и те по второму кругу заговорили о нем. Виданное ли дело: из города припер машину крестов, наверное, не меньше трехсот штук, попросился на квартиру, и целый месяц своего отпуска ухлопал на кладбище.

— Упорный,— уважительно кивали головами сельчане и добавляли:

— Этот своего добьется, будьте уверены.

И Василий продолжал добиваться своего три года подряд. И добился все-таки. Теперь кладбище не узнать. Напоследок выкопал могилу около своих родителей. Для себя поставил высокую оградку, чтобы никто случайно не свалился в нее, да еще сверху сеткой заварил и укатил себе в город.

Два года спустя Василий умер и, по его завещанию, привезли его на родину. Похоронили около самых близких ему людей. Если раньше кладбище в деревне называлось безымянным (стоит лес крестов и ни одного имени), то, после смерти своего односельчанина, все чаще теперь зовут — кладбище Василия.

Стоял я у ограды, и упорно размышлял: кто здесь погребен? Чудак, которых много по нашей земле раскидано, или большой грешник, что таким вот странным образом, как нам кажется, замаливал свои грехи? Или здесь налицо маленький христианский подвиг?

Но вот только начинаешь серьезно задумываться, мерить по большому счету прожитую жизнь, и мысли твои застают тебя в глубоком недоумении. Пытаешься разгадать эту непостижимую тайну — в чем смысл жизни? — и беспомощно откатываешься назад. Стараешься осилить простые, казалось бы, вопросы, а столкнешься — глубина бездонная. И ты уже чувствуешь себя песчинкой в этом мире и оглядываешься на свое прошлое в растерянности, и вздрагиваешь, и с надеждой поднимаешь глаза к небу...

Полвека прожил, а оправдать свое присутствие на земле — нечем. Хоть бы за что-то зацепиться. Может быть, пора уже и мне искать свое безымянное кладбище и спасти свою душу. Только не опоздать бы.